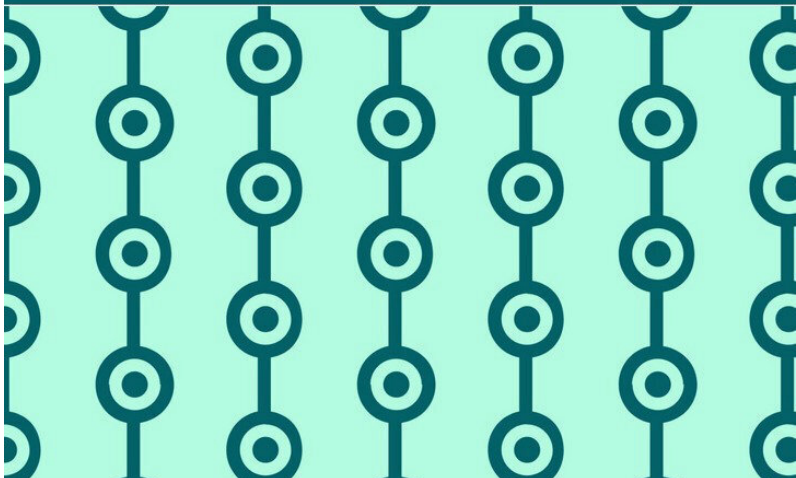

18+

Николай Максиков

Азбука вдохновения

Стихи

Николай Максимов

Азбука вдохновения. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73174171
ISBN 9785006906532

Аннотация

Николай Максимов пишет стихи в классическом стиле, считая его наиболее понятным и доступным широкому кругу читателей. Разнообразная тематика представленных произведений позволяет найти строки, созвучные настроению каждого, кто раскроет эту книгу.

Содержание

«Не знаю, кто, обрёл Россию-мать...»	11
Автопортрет на память	12
Азбука истин	14
Аналогия	15
Аисты	16
Альбом	17
Ангел мой	19
А помнишь	21
Апостольская рыбалка	23
Ароматы любви	25
А я о своём	27
Байка о внуке	29
Баламут	30
«Не ищите Бога в небесах...»	31
Безлюдье	32
Без перемен	33
Бесконечность	34
Бессонница	35
Белые ночи	36
Брак	37
Брови	38
Благочестивый сон	39
Божественное начало	40

«Никто не видел Бога, говорят...»	41
Бронзовые	42
Вдвоём	43
Весёлые катания	45
Весенняя сумятица	46
Весеннее начало	47
Весенние думы	49
Весело о грустном	50
Весёлые картинки весны	51
Весна	52
Весна надежд	54
Ветер	55
Вечер святочных воспоминаний	56
Вечная память	58
Вечный призыв	59
Вина	60
В кинозале судьбы	61
Влюблённый человек	63
Возвращайтесь, друзья!	65
Возвращение	67
Воздушный привет	69
Вокзал	70
В опустевшей деревне	71
Всё проходит	72
Всё, что было	73
Волшебное лекарство	74

Время стихов	75
Встреча	77
Время	79
Время осени	80
Встреча друзей	81
Вторая жизнь	82
Вывод	83
Выживание	84
В эту ночь	85
Глухота	86
Гербарий памяти	87
Глубинка	89
Говорить и слышать	91
Гололёд	93
Гора	94
Город, который не любит	95
Гражданин поэт	97
Грань	98
Грёзы	99
Грибное	101
Даже	102
Дань	103
Дары	105
Дверь для единственной	106
Две ипостаси	107
Держись!	108

Доколе	110
Дом	111
Дон Кихот	112
Дорога в рай	113
Друг на правом плече	114
Дурная привычка	116
Душе	117
Его отчаяние	118
Единственная	120
Ездовой	121
Если Бог простит	122
Если будет трудно – позови	123
Если бы...	125
Est quaedam flere voluptas ¹	127
Ёж	128
Жаркая ночь	129
Женский идеал	130
Живая вода	132
Жизненные вершины	134
Жизненный путь	135
Жизнь	137
Жизнь и Смерть	138
Жизнь сначала	140
Журавлиное сердце	142
Заблуждение	143
Заброшенный клуб	144

Законы бытия	146
Замки на песке	148
За разнообразие	149
Заходи, посидим!	150
Зачем ей знать?	151
Звёздная ночь	153
Звонкая любовь	154
Земля моих предков	155
Земля Санникова. Открытие	157
Земля Санникова. Танец любви	159
Земля Санникова. Выбор	160
Земля Санникова. Прощальное	161
Зенит	163
Зимний романс	164
Зимняя рыбалка	166
Игра	167
Иду за предзимьем покорно	168
Иначе нельзя	169
Из мирка	170
Из осени к весне	172
Или	174
И никак иначе	175
И один в поле воин	177
Истина рядом	179
Июньская вербочка	180
Июль	181

Ироничное	182
Исповедь поэта	184
Истина в вине	185
«Июнь»	187
Героям ВОВ посвящается	188
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Азбука вдохновения

Стихи

Николай Максиков

© Николай Максиков, 2026

ISBN 978-5-0069-0653-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А ВСЁ НЕ ЗРЯ

Когда беды не ждёшь из-за спины,
Настигнет боль вдали от поля свары.
Исподтишка хронически точны
Приправленные подлостью удары.

Не для того ли их судьба даёт,
Чтоб отрезвлять и делать духом твёрже?
Да только вряд ли станут наперёд
Такие мысли истиной расхожей.

Наверное, веками неспроста
Идут на эту тему пересуды.

Предтеча воскресения Христа
Исполнена лобзанием Иуды.

«Не знаю, кто, обрѣк Россию-мать...»

Не знаю, кто, обрѣк Россию-мать
На ту стезю, с которой так и тянет
Без совести и страха воровать,
И смыслы обретать в хмельном стакане.

Неужто даже на краю веков
Нельзя предположить судьбу иную,
Когда среди российских мужиков
Есть те, что и не пьют, и не воруют?

Автопортрет на память

Художник-осень на аллее,
За старомодный сев мольберт,
Рисует, красок не жалея,
Свой удивительный портрет.

В нём сто веков и сотни стилей,
Но ракурс, в общем, не дурён.
Рисует, чтобы не забыли
Её среди других времён.

Малюет ленты в косах русых,
А следом – искрами пестря —
И яшму яркую на бусах,
И серьги цвета янтаря.

То брызнет кистью, озорница,
Задорно думая при том:
Пусть видят, как она кружится
В расшитом платье золотом!

Раскрасит светлой синью небо,
Освободив от хмари высь,
Перемешает быль и небыль,
Потом – попробуй, разберись.

Солжёт, что в мире всех богаче —
Беда ли то? Мы тоже врём.
Но, как она, никто не плачет
Навзрыд над собственным враньём.

Азбука истин

Сегодня мало настоящих книг,
Читателей, пожалуй, тоже мало.
Людей прогресс на слово не сподвиг —
Оно так часто им безбожно врало.

Народ уже почти сошёл с ума,
Сходясь в непримиримой перепалке:
Горят в кострах бессчётные тома
И наполняют мусорные свалки.

Но истину не воспринять на слух,
Она в мирском эфире беззащитна.
Так много в наше время слов вокруг,
А настоящей сути в них не видно.

Аналогия

Тайник глубин растормошив,
Горстями взяв со дна,
На берег камни-голыши
Набрызгала волна.

С водой словесной шелухи
Поспорить я готов,
Но где найти в свои стихи
Таких же гладких слов?

Аисты

Всё как-то враз не по-людски —
По всей деревне
Остались только старики
В избушках древних.

Сады всё тише и желтей,
И в тон пейзажу
Не носят аисты детей
В деревню нашу.

Не по душе им неуют,
Горька потеря.
Но по привычке гнёзда выют,
Во что-то веря.

Припоминают адреса
Времён советских,
Где отзвучали голоса
Былого детства.

Альбом

Как часто, размышляя о былом,
Грущу о днях, которым нет возврата!
Но лишь раскрою старенький альбом,
Вновь оживает то, что сердцу свято.

И пусть сегодня жизнь уже не та,
Пусть сам стал поседевшим и сутулым,
Но чёрно-белых снимков пестрота
Разноголосым воскресаёт гулом.

Помашет беззаботный шумный класс,
Весёлым смехом память одаряя,
И в душу светом неземным струясь,
Пахнёт теплом отеческого края.

За нас – наивных, в «розовых очках»,
Счастливых, юных, шустрых, быстроногих,
Предательски в учительских глазах
Блеснёт слеза надежды и тревоги.

Всю жизнь я с этим взглядом тет-а-тет —
С победами и с болью поражений.
Немой упрёк, поддержка и совет —
Вплетают в явь игру воображенья.

Я улыбнусь, задумавшись о том,
Чем мой наставник дорог мне поныне.
Прижму к груди потрепанный альбом,
Взгляну в окно на первый лёгкий иней.

А там, вдруг ставший ближе, чем родня,
Усыпанный нечаянной порошей,
Сквозь время смотрит строго на меня
Учитель с фотографии поблёкшей.

Ангел мой

Тёмных сил бесщётна камарилья,
Только вспомнил, этой тьмой тесним:
Как давно и сам не говорил я
С ангелом-хранителем своим!

Всколыхнулась радостно истома,
Разлилась по жилам горячо:
Помню, как садился невесомо
Он ко мне на правое плечо.

Может, запустилась в душу плесень?
Что-то потерялось впопыхах?
Если на земле я бесполезен,
Вряд ли буду нужен в небесах.

Но в такой неблагоприятной яви,
Где мы все беспомощно глупы,
Может, я смогу ещё исправить
Что-то в строчках собственной судьбы?

Сердце будто жёстким чем-то сжали —
Тишина, ни слова не слышать.
Пишет молча длинные скрижали
Ангел острым пёрышком в тетрадь.

Мир предался алчности и злобе,
Но ещё по-прежнему везёт
Тем, кто даже в наши дни способен
Видеть в небе ангелов полёт.

А помнишь

«А помнишь, – прошептала нежно ты, —
Давным-давно, взрывая зелень с хрустом,
Апрель врывался в детские мечты,
Переполняя чувств ребячьих русла!
Нам грезились большие города,
Шеренги юных в громе барабанном.
До звёзд лететь мечтали мы тогда
И плыть по неизвестным океанам!»

Услышав трель весеннего скворца,
Ответил я в порыве острой жали:
«Я помню, как два тонких деревца
У перепутья мы с тобой сажали.
Небесной лейкой первого дождя
Подбавила весна земного сока.
Хотела ты, планету обойдя,
Вернуться к этим символам истока».

«Чего мы ждём? Нет на земле дорог,
Единственной, родимой той дорожке!»
А я, обняв, тебя к себе привлёк
И мы пришли на место раздороя.
Где вдоль дорожной насыпи, пыля,
Резвится ветерок в степях зелёных,

Посаженные нами тополя,
Качают небо в серебристых кронах.

Апостольская рыбалка

Нынче вовсе раскурочен
Лихолетным неживьём,
Караулил хуторочек
По-над речкой чернозём.
Навсегда мне душу выжег,
Не забуду, хоть убей,
Ряд из дюжины домишек
Малой родины моей.
Был он явно не на вырост,
Оттого-то вдоль жнивья
Затуманился, извилист,
Путь мой в дальние края.
А недавно по-ребячьи
Снасти сунув впопыхах,
Возвратился порыбачить
В этих брошенных местах.
На поклёвку рыбую чуткий,
Затаился начеку,
Но прошли впустую сутки
На знакомом берегу.
Ни плотвички шустрой блеска
Возле сони-поплавка,
Ни испуганного всплеска
Озорного окунька.

— Как возможно? — весь бунтую, —
Человечьим неживьём
Обезрыбило вчистую
Время старый водоём?
Так, пустым, уехал к дому,
Еле сдерживая стресс.
Лишь апостол Пётр знакомо
Улыбался мне с небес.

Ароматы любви

Апрель сегодня чрезвычайно нежен,
Без счёта отсыпая через край
Душистый цвет отчаянных черешен
В тюльпаново-черёмуховый май.

Уже почти невидима граница,
Уже у ног последняя ступень —
Ещё чуть-чуть и вспыхнет, закружится,
Чаруя ароматами, сирень.

Похожий на смешного спаниеля,
Спиреи куст ошеломлённо рад
Рвануться с рук беспечного апреля
В пропаренный на солнце палисад.

В такое время нет нужды особой
С утра томиться дома взаперти.
Не даст весна бесчувственной амёбой
Тебе ни полминутки провести.

В душе опять как будто бы семнадцать,
А мысли все лишь только об одном:
До полночи, дурачась, целоваться
На лавочке старинной под окном.

А я о своём

По умыслу, а, может, по ошибке —
Уже не угадаешь никогда —
То место, где меня качали в зыбке,
Упрятала под кущи лебеда.

Мне хочется прийти и помолиться
Всему и всем, с кем проживал в ладу,
Но никогда по гладким половицам
Вдоль горницы уже я не пройду.

Лишь раздобрев за многолетье вдосталь,
От собственной оглохнув немоты,
Хранят неговорливые погосты
Знакомые с былых времён черты.

К любимому отеческому краю
Припав душой и телом поплотней,
Я ощущаю то, как засыхаю,
Оставшись без живительных корней.

Без мора и эпических сражений
Неведомая выросла нужда:
Немало от неё ушло селений
В безмолвное пустое никуда.

Нет новизны в моих негромких строках,
Но их обыкновенность ни при чём:
Жалкует кто-то о своих истоках,
А я тужу сугубо о своём.

Байка о внуке

Я никогда, пожалуй, не забуду,
Как внук со мной затеял разговор:
– Скажи, зачем вы в трудную минуту
Невзгодам шли всегда наперекор?

Мечтая о немыслимой победе,
Без лишней суматохи и шумих
Не легче ли, приняв проблемы эти,
Прогнуться, приспособившись под них?

Был слишком юн мой неразумный отрок,
Но понял мой ответ наверняка:
– На самом деле, будь я в жизни кроток,
Она сама была бы коротка.

Ты на своём пути – большом и длинном,
Запомнить для себя, дружок, изволь,
Что клин мы вышибать привыкли клином,
И болью врачевать умеем боль.

Баламут

В глубине душевной мути,
Там, где спрятан вечный мрак,
Кто-то вечно баламутит,
Не смирится всё никак.

И не ясно, чьё такое
Там устроено жильё —
Не даёт душе покоя
И хозяину её.

Ведь, действительно, не сладко —
Кошки будто бы скребут.
Только есть одна догадка:
Сам хозяин – баламут!

«Не ищите Бога в небесах...»

Не ищите Бога в небесах,
Окуная взоры в синь святую,
И не тратьте времени впустую,
Проторяя путь к Нему впотьмах.

В каждом сердце вспыхнут пусть огни,
Озарят планету отовсюду.
Бог живёт внутри земного люда,
Чести Он и совести сродни.

Безлюдье

Безлюдье – это не безрыбье,
Безлюдье – это в сердце шрам.
Как странно: не с кем стало выпить
И пообщаться по душам.

И тем, кто временем объаты,
И тем, кто им теперь гоним, —
Такие странные шарады
Едва ли нравятся самим.

Но с теми, кто уже далече,
Кто выбит нынче из времён,
Отменены до срока встречи,
И код имён переменён.

И на меня идёт погоня,
Струится время в решето.
Я сам себя впервые понял,
Не осуждая ни за что.

Без перемен

За тысячи лет – миллион перемен,
А я остаюсь, каждым днём убиен.
А я ощущаю, как злая грызня
Идёт, и на плаху выводит меня.
И так – нескончаемо: годы, века...
Меня прогоняют сквозь сомкнутый
строй,
И где-то, как будто, окликнут порой,
Но тут же откуда-то вспыхнет буза,
Всё глуше становятся их голоса,
В туманной дали не исчезнут пока.

Как призрак незримый, люблю по утрам
Войти потихоньку в заброшенный храм.
В намоленной исстари сени людской
Почувствовать хочется мир и покой,
Но вздрогну внезапно опять оттого,
Что кто-то снаружи, мой образ узнав,
Подскочит и схватит меня за рукав,
Поднимет разгневанно скрюченный перст,
Подставит плечам заготовленный крест,
Заученно крикнув: «Распните его!»

Бесконечность

Скрипит ветла сухая за оградой.
На что ещё теперь она годна,
Когда уже сама себе не рада,
Скорбящая безмолвно допоздна?

Бесчувственно её сухое тело,
Косая тень в тиши едва дрожит.
Навеки отцвела, отшелестела,
Страхнув сухие ворохи обид.

Дожди и ветры их легко изымут
И всё бывшее спишут со счетов.
Спилю её, несчастную, под зиму,
В поленницу добавлю свежих дров.

Послышится однажды треск в камине,
Зареют жарко угли дотемна.
Ветла так будто скажет, что и ныне
Она ещё на кое-что годна.

Бессонница

Я сам не знаю, что со мной такое,
Быть может, мыслям берега тесны —
Без умолку, как перед первым боем,
Бессонница мои терзает сны.
Дай задремать хотя бы на минуту,
Заканчивай напрасно тормошить!
Поверь, во сне я помирать не буду,
Во сне я долго-долго буду жить.

Белые ночи

Выпал снег и посветлели ночи,
Оживив мелькание теней,
Будто кто-то, пошалить охочий,
Возвращает краски юных дней.

В пору ту мы жались в темень парка,
Где прошла весна волной взрывной,
И не снег, а цвет черёмух, ярко
Серебрил дорожку под луной.

Чувствую в груди опять биенье,
Будто память, сердце уколов,
Возвратила в зиму наши тени
На порошу мёрзлых лепестков.

Брак

Мы все рождаемся похожими:
Милы, беспомощны, худы.
И в этот миг зовутся божьими
Творца великого плоды.

Растём благими и послушными,
Но результаты не ясны:
Когда и кто вселяет в души нам
Кровавый облик сатаны?

Брови

То наивней, то суровой,
То смешливей, то грустней
Быть умеют наши брови
В переменчивости дней.

Изгибаясь то и дело
Ситуации под стать,
Настроением умело
Могут брови управлять.

Вмиг становятся строптивы,
Замерев над тенью глаз,
Если вносит коррективы
Мода в облики подчас.

Но ответьте без утайки:
Как в бесстрастности своей
Жить приходится хозяйке
Нарисованных бровей?

Благочестивый сон

Какой-то старец у ворот.
Откуда он?
О том поведать пусть войдёт
В мой тихий сон.
У старца этого седа,
Светла, как суть,
Широким клином борода
Легла на грудь.
Я где-то видел и не раз
Его уже:
Премудрость и лучистость глаз
И свет в душе.
И слышал голос. Где? Когда?
Давным-давно.
Припомнить что-то сквозь года
Не суждено.
Лишь сон ушёл, кричу, слепец,
В небытие
— Ты приходил ко мне, отец?!
Скажи, зачем?

Божественное начало

Через тернии житейских дешевизн,
Сквозь нелепые сверхпрочные преграды
По весне опять карабкается жизнь,
Не вступая с прахом прошлого в дебаты.

Расцветая, сумасшествуя, бурля,
Поклонившись благодарно Небу в пояс,
Начинает всё забытое с нуля,
Ни о чём другом уже не беспокоясь.

И невольно повторяю я опять,
Словно что-то мне открылось в снеге талом:
«Надо, каждый новый день начать считать
Для самих себя божественным началом».

«Никто не видел Бога, говорят...»

Никто не видел Бога, говорят.
Но стоит оглянуться – видно тотчас,
Что в людях свой лучистый тёплый взгляд
Оставил, образ передавший, Отче.

Нести бы дальше просветлённый взгляд,
Но не для всех он радость и услада:
Зачем-то в виде гнусных дьяволят
Иным кривлякам представляться надо.

Бронзовые

Случалось ли когда-нибудь
Тебе сквозь тьму границ
Вдруг ненароком прошмыгнуть
В страну тщеславных лиц?

Там близоруки люди сплошь,
Там всякий – горделив,
И ты никак не обойдёшь
Их бронзовый отлив.

Они – элита, сливки, знать.
А ты – ушёл-пришёл.
Могли бы вовсе затоптать —
Прогнали? Хорошо.

Беда, коль будешь совращён
Ты слепотой глазниц,
Когда захочется ещё
В страну тщеславных лиц.

Вдвоём

Мысли роятся о многом,
Пришлые издалека:
Целая жизнь за порогом —
Длинная, словно река.

Стал и умён я, и гибок,
Знаю своё ремесло.
Кончилось время ошибок,
Мудрости время пришло.

Ясно, что нынче не лето,
Ярко пылает багрец.
Самое главное – это
Прочная общность сердец.

Помня светло о вчерашнем,
О безвозвратном пути,
Любящим вместе не страшно
Горькую старость пройти.

Слышатся грустные нотки
В песне последней моей,
Но поцелуй твой короткий —
Жизни остатка длинней.

Весёлые катания

Давайте попохочем от души, —
Мы будем и сильны, и моложавы,
Когда на санках с ледяных вершин
Решимся вспомнить детские забавы.

Давайтекупаемся в снегу,
В окрас пунцовый наморозим щёки.
А я к тому же оседлать смогу,
Набросив шарфик, месяц одинокий.

Ему, бедняге, там, на небесах,
Негоже даром прыгать по-сорочьи,
Пока совсем от скуки не зачах,
Под чёрной лапой новогодней ночи.

Давайте веселиться вместе с ним,
Продлив подольше волшебство такое.
Пусть будет впереди немало зим,
Мы этой точно не дадим покоя!

Весенняя сумятица

На склонах утомлённо рощи дремлют,
Чирикают воробышки взахлёб,
А на опушке утекают в землю
Следы звериных застарелых троп.

Сойдут снега и со следами вместе
Исчезнет всё, что было до весны.
Дрожат в немом испуге и протесте
Седые лапы скрюченной сосны.

Над ней смеётся звонко птичья стая:
«Добра́ весна! И мы тебе не вре́м!»
А та боится, что как снег растает,
Скатившись вниз прозрачным янтарём.

Весеннее начало

На тротуарах – предвесенний фарш
Уже вовсю проходим портит нервы.
Забуду дома надоевший шарф,
Хотя он в стужу прослужил мне верно.

Бегу, спешу успеть, сбиваясь с ног,
Увидеть первым мартовские знаки:
На чердаках кошачий звонкий гон,
Сосулек показательные казни.

Повсюду солнца яркая игра,
Снегов обвислых жалкая просадка.
Невестой ветки вскинула ирга
У края неглубокого распада.

Весенний аромат ещё не остр,
Ещё не лёг он на просторы ровно,
Но скоро март предстанет в полный рост —
О том с утра кричит охрипший ворон.

И пусть ещё с утра морозец есть,
Но зря ли зазвенели птичьи гаммы?
Сквозь февраля растерзанную сеть
Течёт весны расплавленная магма.

Весенние думы

Ещё зима пургой швыряет в лица,
Но с ней по уговору мы честны:
Уже мне не она ночами снится,
А нежный взгляд красавицы-весны.
Уже за тихим всполохом рассвета
Я вижу сквозь морозное окно
Тот поднебесный отсвет первоцвета,
Которым всё уже предрешено.
Ещё продлится стылая заминка,
Но кто бы стужу дней не восхвалял,
А лёгкая весенняя простынка
Милее тёплых зимних одеял!

Весело о грустном

Судьба, не ведая грешка,
При всём несовершенстве мира,
Не бей меня исподтишка,
Как претрусливая задира.

Пусть я уже довольно стар,
Но не боюсь лихую встречу.
Прямой я выдержу удар,
А если выдержу – отвечу.

Весёлые картинки весны

Вдруг как-то резко задождило,
Льют тучи, не жалея сил.
По лужам к нам приплыл из Нила
Большой зелёный крокодил.

Водою залиты бульвары,
И на шоссе сплошной конфуз:
Гоняют шустрые кальмары
В ручьях испуганных медуз.

Ты говорила, что такому
Нельзя поверить ни за что,
Но вот, вышагивая к дому,
Под зонтом конь идёт в пальто.

Глотая пьяненькие капли,
Апрель с утра навеселе:
Смешные комиксы не нам ли
Рисует дождик на стекле?

Весна

В полях, задорно клокоча,
Вовсю с утра ручьи резвятся.
Вразвалку два больших грача
Вокруг проталин кружат танцы.

Вприпрыжку шустрый воробей
Вдоль борозды за ними скачет —
Вкусить личинку повкусней,
Весьма довольствуясь удачей.

Вальяжно старый дуб стоит,
Вдыхая запахи теплыни.
Вблизи его степенный вид
Вполне ещё удал и ныне.

Вот я и сам — по всем статьям
Влюблённый в жизненные дали,
Впервые думаю: и впрямь
Воспрянуть духом не пора ли?

Вобрав от солнца света впрок,
Впустив любовь в себя без края,
Возьму и сброшу лет пяток,
Весну волшебную встречая!

Весна надежд

Запахавшись, жадно май игривый
Вылакал туманную зарю,
И мгновенно затряслись пугливо
Тени от деревьев, густо гривы
Разметав кругом по пустырю.

Огоньки по огляди исчахли,
Страшно от гнетущей черноты.
Только звёзды – грустно, как валахи,
Вышли кочевать по небу. Страхи
С высоты им кажутся пусты.

Так и мы: блуждая по потёмкам
Смотрим боязливо на тропу,
А за тьмой, мечтой сияя ёмко,
Блюдечка заветного каёмка
Обещает светлую судьбу.

Ветер

Осенним гоном ветер мокрый
Всю ночь метался меж вершин.
Сбивал с берёз остатки охры
И клёнам пакости вершил.

Взрывал в деревне сена кучи,
Стучал в окошки, как шальной,
Казалось, вовсе не наскучит
Ему плескать речной волной.

Шутя, крутил дымов колечки,
Не зная, видимо, о том,
Что всё проходит, всё конечно
На бедном шарике земном.

Кругом окрестности обрыскав,
Упал в долину и зачах.
Но звёзд испуганные искры
У тьмы дрожат ещё в зрачках.

Вечер святочных воспоминаний

Как всё-таки беспечны времена —
Сегодняшнее прошлого не чтит!
Зажгу свечу и внуку допоздна
Старинных баек наберу сполна
Со звёздных замороженных орбит.
Теперь о христославии никто
Уже не вспоминает в городах.
Былое, как вода сквозь решето,
Ушло куда-то. Памятны зато
Предания о невозвратных днях.
Бывало, от зари и до зари,
С колядками, до каждого крыльца
Водили нас, детишек, звездари —
Попробуй-ка мальчика не одари! —
И не было диковинкам конца.
Мы знали ведьм в селе наперечёт,
Сводя несчастных озорством с ума.
Нам верилось, что вислоухий чёрт
Серпастый месяц, потаясь, крадёт,
И оттого вокруг такая тьма!
Катания на тройках во весь дух,
Забавные гадания девчат:
То зеркало что скажет, то петух,
То валенок вдруг свалится: бу-бух! —

Лишь радостно гадалыщицы визжат.
Горит свеча под выюги робкий стук,
Дом пахнет хвойным запахом лесным.
Идут часы – стоять им недосуг.
Тихонечко посапывает внук
И о чудесных Святках видит сны.

Вечная память

Теперь знакомых больше на погосте,
Всё меньше остаётся их в миру.
К могилкам дорогим хожу я в гости —
Венки поправлю, мусор уберу.

Проходит год как новая ступенька
В небесное родимое гнездо.
Но замечаю, что к иным давненько
Не ходит попроведовать никто.

Кресты истлели, надписи поблёкли,
Кто в землю лёг – поди-ка разбери!
Лишь из ветвей негромкий птичий оклик
С надеждой оглашает пустыри.

Заброшенность страшна, грустна, безлика,
Ей время прибавляет вечный счёт.
Затянет холмик скорбный повилика,
Как будто память чья-то зарастёт.

Вечный призыв

У старого заброшенного плаца,
Где полк стоял «сто лет тому назад»,
Куда-то призывает записаться
Советский полувывцветший плакат.

Как день сурка – сплошное лихолетье,
И что ни год – тугие времена.
Не надо их снимать, призывы эти, —
Их участь навсегда предрешена.

Растят деревья годовые кольца,
Ржа источает чей-то пулемёт.
А Русь всё ждёт героев-добровольцев,
А Родина зовёт их и зовёт.

Вина

Все говорили: «Водка виновата», —
Как говорить давненько повелось.
И первой из прижизненного ада
Ушла Любовь в потоке горьких слёз.

Не выдержав мучений изувера,
Едва дыша, куда глаза глядят,
Покинула пристанище и Вера,
Неверием наполнив грустный взгляд.

Ещё пыталась напоследок Надя
В душе затеплить малый огонёк,
Но, на подруг своих ушедших глядя,
Пустилась и Надежда наутёк.

А тот, нашкрябав мелочь на покупку,
Озвучил тост в густых парах спиртных
За Надьку, Верку, и, конечно, Любку,
На самом деле и не помня их.

В кинозале судьбы

Так хочется теперь, на склоне лет,
Когда за каждым днём спешить не надо,
Взять в кинозал судьбы своей билет
И на экране жизнь окинуть взглядом.

Возможен ли немислимый кульбит?
Зачем гадать, когда на первом плане
Уже навстречу весело пылит
Смешное детство в милом мальчугане.

Вот я юнец – открытый и прямой,
Легко творю немислимые планы,
В которых видно, как маячит мой —
Благочестивый путь и окаанный.

То напролом я рвался, как медведь,
То извивался по житейским лазам:
Приходится гордиться и краснеть,
Переживать и умиляться разом.

Все сосчитаю капельки дожда,
Припомню подзабытых персонажей,
Пробормочу, из жизни выходя:
«Фильм не плохой, но режиссёр —

неважный».

Влюблённый человек

Это схоже с молнией мгновенной,
В тишине взорвавшей гулко высь,
Или же со взлётом над ареной
Под трагикомичным ником – «жизнь»!

Ни о чём особо не жалея,
Пьяный, словно майский соловей,
Я иду с улыбкой дуралея,
Хвастаясь влюблённостью своей.

И пусть та – земная и святая,
Взглядом мой порыв благословив,
Ничего пока ещё не знает
О моей отчаянной любви.

Сердце из груди могу отдать ей,
Презирая собственную смерть.
Разве можно счастья благодати
Ей во мне потом не разглядеть?

Ни о чём пока что не жалея,
Забываю ворохи проблем.
И с лица улыбку дуралея
Мне снимать не хочется совсем!

Возвращайтесь, друзья!

На излёте осени опять
Грустно от предчувствия потерей.
Тяжело прощаться и прощать,
Ощущая тяжесть в межреберье.

Больно и досадно потому,
Что друзья ушли и не вернулись.
Непривычно страшно одному
Мёрзнуть в пустоте холодных улиц.

В поиски потерянных следов,
С детства до мурашек мне знакомых,
Я уйти немедленно готов
Памятью, накопленной в альбомах.

Снимков этих тонкие слои
Стали чуть тусклѣ и желтоваты.
– Возвращайтесь, милые мои,
Даже, если нет для вас возврата.

Как и раньше, заходите в дом,
Где вина и песен будет много.
А в ответ с безмолвным скорбным ртом
Тишина застыла у порога.

Возвращение

Без печали и упрёка
По незримым лёгким сходням
В нашу память издалёка.
Опустились мы сегодня

Свет над степью – вполнекала,
То ли вечер, то ли утро?
Тропка в роще заплутала,
Промелькнув полями шустро.

Да, деревья стали старше.
Но в груди вдруг встрепенулось:
По следам тут ходят нашим
Чьё-то детство, чья-то юность.

Только там, где клятвы искры
Гроздья высекли рябины,
Нас прогнал, как время, быстрый
Рой нещадный комариный.

Тенью совок сизокрылых
Мысли выют и выют орбиты,
Отыскать уже не в силах
Суть картин полузабытых.

В час, прогретый пополудни,
Словно бедные скитальцы,
Из бывшего в наши будни
С грустью грёзы возвратятся.

Воздушный привет

Вихрастый мальчик с голубятни
Футболкой машет птицам вслед —
Нет ничего душе приятней,
Чем детства доброго привет.

О нём, давно ушедшем, грезя,
Представить в сотый раз готов,
Как сам я в летнем поднебесье
С утра гоняю гривунов.

Сквозь боль и дым житейских терний,
Взлетев легко наискосок,
Лети, спеши им вслед, мой верный —
Почтовый скорый голубок!

Вокзал

Он может сам себя развлечь,
В привычном гуде
Припомнив счастье многих встреч
В перронной мути.

Представив прелесть свежих роз,
Тюльпанов трепет,
Но вмиг упрямый стук колёс
Покой истрепплет.

Разлука горькая волной
Веселье сглазит.
Вокзалу, видимо, иной
Нет ипостаси.

А время пущенной стрелой
Стремится мимо,
Гудком приветствуя порой
Прощаний символ.

В опустевшей деревне

Деревня опустела до предела,
У труб печных исчезла с небом связь.
Лишь с низких туч под Новый год слетела
Седая вата в уличную грязь.

А из неё, из этой белой ваты,
Из мягких и податливых клочков,
Небесный дух – весёлый и крылатый,
Слепил за ночь семью снеговиков.

Они теперь от мала до велика
Уже спешат с утра навстречу дню,
Опробовать с необычайным шиком
Проложенную ими же лыжню.

Дома, на человечков тех глаза,
Мозгами крыш слегка скрипят смешно:
«Как жаль, что по весне пахать и сеять
Беднякам от природы не дано».

Всё проходит

Всё проходит, ну и что же,
Что забыть хватило сил
Ту, которую до дрожи,
До беспамятства любил?

Листья вешние пожухли,
Боль уже не так остра.
На ветру остыли угли
От давнишнего костра.

Только зря ли сердце копит
В жалях «если б» да «кабы»?
Даже самый горький опыт —
Дар бесценнейший судьбы.

Всё проходит, ну и что же,
Если годы студят пыл?
И меня забыла тоже
Та, которой милым был.

Всё, что было

В огромной жизни, где ни что не вечно,
Где сожжены все утлые мосты,
Считаешь ты, что всё же было нечто
Промеж обыкновенных «Я» и «Ты».

Прости мою тупую узколобость —
Но как терпеть в себе самом лжеца?
Я между нами вижу только пропасть,
Которой ни начала, ни конца.

Быть может, разошлись мы временами,
Теньями лишь столкнувшись на авось.
Ведь, кроме этой бездны, между нами,
Пожалуй, ничего и не стряслось.

Волшебное лекарство

Если вдруг когда-нибудь ослепну,
Попрошу единственный маршрут:
Пусть меня немедля в край волшебный,
В край родной лечиться отвезут.

В нём я справлюсь с этой незадачей,
В сердце обозначится вешун:
Я тогда на ощупь, словно зрячий,
Всё что мило сердцу, отыщу.

Время стихов

Любитель глума и бредовых фабул,
Заумный проявляя креатив:
– Не время для стихов! – нелепо ляпнул,
Привычно мысль свою не объяснив.

Но тут же, будто уловив от неба
Строку, стремглав пронзающую мгу,
Влюблённый возразил: «Какая небыль!
Я без стихов и часа не смогу!»

Сверкнула пулемётная бойница,
И в ней, стихи читая наизусть,
Вздыхнул солдат: «Мне ночью часто снится
О матери есенинская грусть».

Смахнув полосу с собранного жита,
Расхохотался громко хлебобоб:
«Стихам, как и зерну, потребно сито,
Слова от плевел отлетали чтоб!»

«Когда в стихах, бывает, обнаружу
Я посланный поэту божий дар,
Тогда их смысл ложится прямо в душу!» —
Откликнулся почтенный сталевар.

Серьёзный спор итожа, поэтесса
Произнесла, что, судя по всему:
«Кто в лирике не смыслит ни бельмеса,
Тому не время нынче самому!»

Встреча

Судьбой ли так завещано?
В зашторенном купе
Сидят: простая женщина
И паренёк в хэбэ.
Луна – седая странница
Мигает из-за штор.
У женщины туманится
От слёз горючих взор.
Она порой сочувственно
Посмотрит на бойца:
Нога с протезом скручена
И в шрамах пол лица.
Уткнулся носом в книжечку,
Помеченный бедой —
Ещё совсем мальчишечка,
А весь уже седой.
Как со слезами справиться,
Коль раненый войной,
Саму в военной здравнице
Ждёт сын её родной?
Ему, её кровиночке,
Чуть больше двадцати.
В дарёной им косыночке
Не едет, а летит.

Так со своими думами
Дорогу всю молчат.
На станции «Угрюмово»
Поднялся вдруг солдат.
Он как-то по-знакомому
Осклабился светло.
И тут – как будто током: «Ух!»
Ей сердце обожгло.
– Сынок! – одной лишь фразою
Вскричала громко мать, —
Прости, родной, не сразу я
Смогла тебя узнать!
В ответ обезоружено
– Прости! – он говорит, —
– Кому, – подумал, – нужен я —
Несчастный инвалид?
Без умолку, и с юмором
Стучит колёсный строй
От станции «Угрюмово»:
– Домой!
Домой!
Домой!

Время

Пустило лето в сени осень сдуру,
А той уже и горница тесна.
Снимает ветер с клёнов шевелюру —
Обидна им до срока желтизна.

Вот так и я задумчиво в цирюльне
Гляжу на снятых прядей седину.
За окнами январь – мой караульный,
Я скоро сам во двор к нему шагну.

Время осени

Почему ты сегодня не рада
Огонькам золотого заката?
Не дождинка ли в том виновата
Под осеннюю грусть листопада?

Огонькам золотого заката
Ты отрадно смеялась когда-то.
Под осеннюю грусть листопада
Не печалила новая дата.

Ты отрадно смеялась когда-то
Желтизне златозвонного сада.
Не печалила новая дата —
Вешних дней велика ли утрата?

Вешних дней велика ли утрата?
Под осеннюю грусть листопада
Желтизне златозвонного сада
Почему ты сегодня не рада?

Встреча друзей

Выходим на заветные места,
Где караси круглы как сковородки,
Где прозвучит сегодня тост короткий,
А мы за дружбу маханём по сотке,
Запив огонь святой росой с листа.

Всё меньше круг с годами у костра,
Всё ближе он к пылающей серёдке.
Всё крепче градус у распитой водки
И верно подмечают одногодки,
Что рыба стала чересчур хитра.

Раненько выпь аукнет в тишину,
Качнётся месяц, словно запятая.
Легонько чарка прозвенит пустая
И этот звон, в туманной дымке тая,
Будильником продребезжит по сну.

Вторая жизнь

Каким озвучено поэтом,
Когда он, чуя смерть свою,
Сказал: «Не кончено на этом!
Я вам не раз ещё спою!»

На боль и муки не взирая,
Он сам себе шептал: «Держись!»
Как будто знал, что есть другая,
Ему дарованная жизнь.

А мы тому безмерно рады,
Что до сих пор, врываясь в чат,
Его поэмы и баллады
Живыми песнями звучат.

Вывод

Зачем оправдываться снова?
Зачем придумывать слова?
Душа всему первооснова —
В неё взгляните вы сперва.

Так испокон — в жару и стужу,
Так будет впредь. И, чёрт возьми:
Не зря у нас душа наружу,
Чиста пред богом и людьми.

Выживание

Ежедневно без оглядки
От рассвета допоздна
Ковыряет тяткой грядки
Долгожданная весна.

Следом беды дружной стаей
Нападут на нежный всход —
То всё ветром замотает,
То морозцем обожжёт.

Пропадают огороды,
Осыпают пустоцвет,
Потому что у природы
Постоянства сроду нет.

Что огурчик да фасолька?
Сами в жизни на авось!
Иногда вздыхаем только:
«Как нам выжить удалось?»

В эту ночь

В эту ночь тебя до боли изомну,
Зацелую в аромате сеновала.
Небеса за шторку спрятали луну,
Чтобы любопытством не страдала.

В эту ночь с тобой почти до забытья,
До разрыва вожделенных ярких молний,
Жизнь разметим наперёд от «А» до «Я»,
И друг другу поклянёмся всё исполнить.

Глухота

Над розовым плёсом уснувшей реки,
Свой свет устремляя куда-то,
Тепло огоньки, как река – глубоки,
На всполохе тлеют заката.

Кому они светят в бездонную тьму,
Кого они греют собою?
Завыла Му-му, да вот только кому
Внимать её смертному вою?

Гербарий памяти

Никого ни о чём не моля,
Принимая, как есть, то и это,
За осенним окном тополя
Жгут мосты в отшумевшее лето.

Пылко листья в округе горят.
От огня мы неистово прячем
Всё, что долгие ночи подряд
Без того было слишком горячим.

Ни лукавства, ни подленькой лжи:
В одержимости страсти кипучей
Твой конверт на ладони дрожит,
Отражая ниспосланный лучик.

Словно издали нежно сама
Улыбаешься ты из-за стога:
Узнаю между складок письма
Завиточек цветка полевого.

Расплескался вокруг аромат
Дорогого – до слёз – сухоцвета,
Будто снова вернулось назад
В тополях догоревшее лето.

Глубинка

Сбиваясь в рваные лоскутья,
Мелькают вёрсты в колесе.
Старушкой горбится попутье
Вдоль бесконечного шоссе.

Прижавшись к хвойнику от страха,
Косятся тускло изб ряды
Времён, быть может, Мономаха —
Невзрачны, слёпы и худы.

Места взаправду захудалы —
Само пристанище тоски.
Уныло машут зазывалы,
У ног наставив туески.

Я, просигналив понарошку,
Сверну в кюветную межу:
Куплю чернику и морошку,
Чуток торговок поддержу.

Разговоримся, скажет кто-то:
«На первый взгляд у нас тут – рай.
Когда б не это вот болото —
Ложись, да вовсе помирай!»

Опять рвану напропалую
Туда, где дом давно зовёт,
И сам невольно загорюю,
Что сроду нет у нас болот.

Говорить и слышать

Отойдя немного от недуга,
Застелив постылую кровать,
Шла к подруге старая подруга
О своём, о бабьем, поболтать.

Слава богу, всё без панихиды
Обошлось, но сколько не лежи,
А пора и высказать обиды,
И немножко боль отнять с души.

Вот не тешит глупая отсрочка,
Может, смерть ей зря её дала?
Ведь пока болела, ни разочка
Доченька проведать не зашла.

Встретила подруга, только сходу,
Ни словечка вставить ей не дав,
Завелась про моду и погоду,
Про войну, про Трампа и Минздрав.

Слабая от встречи и недуга,
Повернув по скорому домой,
Так и не увидела подруга
Таковую в женщине другой.

Главное несложно подытожить,
Вставив чёткой истины звено:
Говорить без умолка – мы можем,
Слушать же – не каждому дано.

Гололёд

Декабрь, который день, нещадно льёт
На мостовые ледяную жижу.
И Новый год, и этот гололёд
Поэтому я жутко ненавижу.

Не до хлопушек, не до конфетти,
Не до чего в такую пору, ибо
Грустят дома – ни выйти, не зайти,
Сплошные переломы да ушибы.

Тогда за дерзкий извинившись слог,
В окно я крикнул эдаким героем:
«Поверю в то, что существует бог,
Едва лишь эту склизь от нас он скроет!»

И грянул снег под самый Новый год —
Дома ожили, зазвучали звонче.
Последний високосный гололёд
Творить беду покорнейше окончил.

Гора

Едва ли чем-то возразишь,
Досаду пряча,
Когда гора рождает мышь,
Решив задачу.

Но ради будущего дня,
Прозрев теперь лишь,
Одну надежду хороня,
Другую теплишь.

Забудешь горькую хулу,
И – дело плёво! —
Свою проклятую скалу
Штурмуешь снова.

Судьба частенько недобра,
Но в одночасье
Однажды пик взорвёт гора
Вулканом счастья.

Город, который не любит

Бывало, приедет большая родня,
Пойдёт за столом ни о чём болтовня,
А после расспросов о том и о сём,
Когда мы о жизни красиво наврём,
«Ты любишь свой город?» – взглянут на меня.
Весёлый, счастливый, – сто лет впереди! —
Услышу, как сердце забьётся в груди,
Как будто само среди жизненных тщёт
Подсказку готово мне выдать в ответ,
И мне остаётся лишь: «Да!» – подтвердить.
Всё чаще в миру окаянные дни.
Всё реже съезжается нынче родни.
От бедных лачуг за высокий забор
Упрятало время стыдящийся взор,
Шепча виновато: «Ты, брат, извини!»
А я замечаю, что мой городок
Не светел уже, и уже не высок.
Ухабы, бурьян, всевозможный утиль —
Неряшливый вид и неряшливый стиль,
Как будто не город, а так – закуток.
В нём нынче не купишь центральных газет,
И россыпи книжной на улицах нет.
Мельчая духовностью, день ото дня
Всё меньше и меньше он любит меня,

И мой ни к чему для него пиетет.

Гражданин поэт

Ты говоришь, что мир вокруг суров,
Что у него в чести жестокий метод.
Но ты пойми, ведь нет иных миров,
Есть только этот.

А мы стоим на рубеже добра,
Его от бед случайных карауля.
И наша воля, словно меч, остра,
И слово – пуля!

Грань

Между тьмой и светом,
Как ты ни крутись,
Быть нельзя поэтом,
Устремлённым ввысь.

Меж враньём и правдой,
Как в густом дыму,
Мыслями паратым
Не бывать ему.

Но пока в поэме
Истина тверда —
Замирает время
Между «нет» и «да».

Грёзы

Ещё не полностью затих
Былых времён суровый отзвук.
Казалось, нет подлее их —
Как змеи злых, как жала острых.

Тогда, хватая жадно ртом
Крупницы тающей свободы,
Никто не знал, что и потом
Не будет подлости исхода.

Что мир уже приговорён,
А мы беспечно опоздали
Сбежать от нынешних времён
В небытие пустынной дали.

В том, неизведанном краю,
Где ни души – лишь море плещет,
Из грёз свой мир я осную,
В которых каждый образ – вещий.

Где позабытая пора,
Не упомянутая всеу,
Пространством счастья и добра
Над всем на свете торжествует.

Грибное

Туман лохматыми клубами
Покрыл холмистую грядку.
На склон за первыми грибами
С корзинкой утречком приду.

Улыбкой рот смущённо сморщу,
Увидев в ярком свете дня,
Как вся берёзовая роща
Вдруг разбежалась от меня.

Ну разве мог предполагать я,
Что так игриво заголит
Берёзкам шалый ветер платья
До их негаданных обид?

Даже

Выпал иней в лесу неожиданно густо,
Засверкала на солнце алмазная пыль.
Даже берег реки ею царственно устлан
Там, где пляшут сороки смешную кадрили.

И валежник, и пни захудалые даже
Друг на друга глядят, удивлённо застыв.
Каждый ярко, как паж королевский,
украшен
Каждый сказочно нынче удал и красив.

Даже ёлки с утра веселы-развесёлы:
Распушив изумрудную зелень хвои,
Ледяную пыльцу собирают как пчёлы
На мохнатые гибкие лапки свои.

Взгляд направив с порога смущённый
и быстрый,
Даже ты обомлела в преддверии дня,
И горят на ресницах ажурные искры,
Неземной теплотой согревая меня.

Дань

С часу пополудни,
Не сбавляя шаг,
Запоздалый путник
Меряет большак.

Жалит зноем лето,
Обувь ноги трёт,
Но упрямец этот
Знай, идёт вперёд.

С виду – гоп со смыком,
В сумке – острый нож.
Шоколадным ликом
С папуасом схож.

Легковесна сумка,
Ужин нехитёр.
Был бы тихим сумрак,
Да горел костёр.

На лице грустинка,
Звёздный в небе лёт.
С большака тропинка
К пустоши ведёт.

Там, в тиши, берёзки
Все в слезинках рос.
Бугорок неброский
Лебедой оброс.

Скажет путник, знамо:
«Вот и хорошо.
Наконец-то, мама,
Я к тебе пришёл».

Дары

Для даров одному великому
У меня огород и сад.
А другой, тот, что ликом в тьму,
Благодатным дарам не рад.

Это он, грозно сталью звякавший,
Погружает меня в нуар.
Но приходится, но, однако же,
И ему я готовлю дар.

Поменял всё на свете я б-таки,
Да не знаю, где рай, где ад.
Истекая кроваво, яблоки
На подносе моём лежат.

Дверь для единственной

Словно лодка утратила вёсла,
Или печь разорила изба:
На тоскливые «до» и на «после»
Наше счастье разбила судьба.

Для меня ты осталась Джокондой
Ускользнувшей в небес окоём.
В стенке памятный вырежу контур —
Пусть дверной им зияет проём!

Сердце радостно вскрикнет по-птичьи,
В неземной увлекая полёт,
Если женское чьё-то обличье
С этим абрисом вдруг совпадёт.

Две ипостаси

Нет-нет, совсем не против прозы
Моя восторженная суть.
Ведь тот, кто сердцем безголосый,
И этот не осилит путь.
Но о поэзии особо
Провозгласить хочу свой спич —
О той, блестящей, высшей пробы,
Не всем которую постичь.
Как может кто-то, рифмы бросив,
В себе самом раскрыв ханжу,
Сказать:
«Поэзия, я к прозе,
Прости, навеки ухожу».
Не для того, чтоб лишь подначить
Других,
занёс я мысль в тетрадь:
Вовеки не бывать удачи
Тому, кто смог стихи предать.

Держись!

Переживать и многое, и многих
Давненько сам я знаю, каково.
Ведут меня измученные ноги
К друзьям, где их скопилось большинство.

Так мало тех, кому откроешь душу,
Не с каждым выпьешь доброго вина.
Вот снова, тишь безгласную нарушив,
Через эфир мне боль оглашена.

Надеясь на немыслимое чудо,
Из горькой безысходности звоня,
Друг выдохнул, сказав: «Мне очень худо!»
Ты помолись сегодня за меня».

Какая с ним случится может скверна?
Наверное, приврал дружок слегка.
Но страшно на душе неимоверно
От этого внезапного звонка.

Быть не хочу подобным фарисею,
Мне стыдно, что слова наполнит фальшь:
Я до сих пор молиться не умею,
Я до сих пор не знаю «Отче наш».

Судьба! Как часто ты не благосклонна,
На виражах сползая подло в юз!
Но целый день у трубки телефона,
По-своему за друга я молюсь.

Доколе

Наторев, по-военному штатно,
Чуя кровь, в нетерпенье скуля,
Упоительно долго и жадно
Пьёт сухими губами земля.

Принимает за пищу утроба
Тел солдатских надавленный жмых —
До краёв, почитай, до захлёба,
Не деля на своих и чужих.

Сатанея, над миром глумится,
Бьёт наотмашь смертельная плеть.
Убивать научилась земляца.
Ей рожать бы ещё так уметь.

Дом

Иному дом, где хорошо
за что-то платят.
Другой копеечку нашёл —
ему и хватит.

Крутых заморских сытых вилл
не надо даром,
Дом — это где с рожденья жил,
и где стал старым.

Янтарной вызревшей смолой
закрепит время
Как жил хозяин удалой
в ладу со всеми.

А тот, с тугой мошной в руках,
при капитальце,
Так и останется в веках
лишь постояльцем.

Дон Кихот

Жизнь проводя в непонятной борьбе,
Гибнешь в ней сам то и дело.
Только два цвета известны тебе —
Чёрный и белый.

Мельниц не тронь и не будь бестолков,
Легче живи и не кисни!
Кроме двуцветья немало тонов
В радуге жизни.

Спорить с тобой – утомительный труд,
Проще сказать – безнадёга.
Скоро тебя ветряки перемнут,
Горя – немного.

Может, я слишком смотрю свысока
На феномен Дон Кихота?
Но почему-то жалеть дурака
Мне не охота.

Дорога в рай

Стирает в поле добела
Метель дорогу.
Изрешечённые тела
Ползти не могут.

Сугроб устало подперев,
В холодном рое,
Сидят, забыв про боль и гнев,
В обнимку трое.

Метель, и шансов никаких,
И только чреву
Есть по три капли на троих
Им для сугреву.

Хватай их, стужа, забирай!
Но, пусть не святы,
Им всё равно дорога в рай,
Они – солдаты.

Друг на правом плече

Уже давно заждался эшафот,
А сумрачный палач всё что-то медлит,
Ещё свою он жертву не ведёт
На табурет у злополучной петли.

Наверное, на то и ритуал,
Что торопить события не надо.
Несчастный молча крест поцеловал,
Не восприняв священника с досадой.

Потом взглянул на правое плечо —
Спокойно, без страдальческих истерик:
«А говорил, что поживём ещё.
Выходит, и тебе не стоит верить?»

Поспел гонец за полу миг всего,
Спасительную истину глаголя:
— Отставить казнь! Помиловать его! —
С бумаги прокричала чья-то воля.

Бедняга, побелев лицом как мел,
Сел прямо в пыль истоптанного плаца.
Лишь ветерок слегка прошелестел:
— Как мог во мне ты вдруг засомневаться?

Дурная привычка

Чего бы вдруг, скажи на милость,
Таким, неверующим, нам
Порою верить приходилось
Своим нелепым, глупым снам?

Как будто бес, шутя от скуки,
Бессчётно слал их без стыда:
Сбывались слёзы и разлуки,
Любовь и встречи – никогда.

И сам себе я не отвечу,
Чего бы вдруг во весь опор,
Наперекор всему, навстречу
Мы не рванулись до сих пор?

В чём закавыка? В чём загвоздка?
Гадаю мысленно опять.
А, может, мы привыкли просто
Счастливым снам не доверять?

Душе

Когда смежает сонно веки
Усталость выжатого дня,
Из бренной, суетной опеки
Душа выскакивает для
Полёта вне земных понятий
Координат дорог своих,
И быть ей хочется крылатей,
И длить подольше дивный миг.

Лететь, подхваченной потоком,
В невероятном дефиле.
Но я боюсь, что ненароком
Она заблудится во мгле.
А вдруг душа уже не вспомнит,
Утратив тонкое чутьё,
Родную тишь уютных комнат,
Меня, зовущего её?

И я, смежая сонно веки,
Шепчу, препятствий не чиня:
«Сквозь непролазные парсеки
Не забудь позвать меня».

Его отчаяние

Боль слегка бередит отдалённо,
А ещё говорят: «водка – зло».
Почему со всего батальона
Только мне одному повезло?

Я не прятался подло за спины,
С пустяками не лез в медсанчасть.
Сколько раз мог я запросто сгинуть,
Сколько раз мог бесследно пропасть?!

Тихо флаги колышут полотна,
Спят устало под ними стрелки.
Видно, было кому-то угодно,
Чтобы жил я всему вопреки.

Словно ангелы смело дерзнули
Жизни грешной не кончить полёт:
Там я был застрахован от пули,
Тут и водка меня не берёт.

Только кто посылает угрозы,
Чтобы, помня отчаянный шквал,
Сам себе задавал я вопросы,
А ответа ни разу не дал?

Единственная

Думал, так себе будет история,
А никто теперь, кроме, не мил:
Никогда на путях-траекториях
Никого так всерьёз не любил.

Я, бывает, пылаю от ревности
Так, что всё в этом пекле губя,
Пропадают, сгорая, окрестности,
Ненароком взглянув на тебя.

Пребывая в смятении искреннем,
Тем несказанно я возмущён,
Что твоим удивительным именем
Называют кого-то ещё.

Ездовой

На Руси по бездорожью,
Знать, опять в недобрый час,
Ездовой с опухшей рожей
Правит шаткий тарантас.

Лихо гикает пьянчуга,
Пыль вздымая за собой,
Лишь кривит смешно с испуга
Конь запененной губой.

Хоть ездок и так, и эдак
Всё шустрит туда-сюда —
Никому не в радость эта
Сумасшедшая езда.

Говорит народ расхоже:
«Стой, чудака, едрёна вошь!
Мало просто дёргать вожжи,
Важно знать, куда везёшь».

Если Бог простит

В море памяти время смыло
Горы горестей и обид.
Раньше ты говорить любила:
«Я прощу, если Бог простит».

Как и ты, убеждаюсь, тоже
Опрометчиво грешен в том,
Что теперь я и сердцем твёрже
И расчётливее умом.

И, слова подбирая глаже,
Словно их выдаю в кредит,
Отвечаю частенько так же:
— Я прощу, если Бог простит.

Если будет трудно – позови

Нет ни полсловечка о любви,
Только без притворства и ужимок:
«Если будет трудно – позови!» —
Лихо подписала ты свой снимок.

Я забыл про тот фотоальбом,
Жизнь пытаюсь трогать за живое.
Нелегко шагалось напролом,
Ни минутки не было покоя.

Не сошёл со страху под откос,
Не гремел кандалными цепями,
А в пути, конечно же оброс
Новыми хорошими друзьями.

Но у друга как-то я точь-в-точь
Снимок тот же встретил полудетский:
— Милая! Могу ли чем помочь? —
Вырвалось от сердца по-простецки.

Что-то я ещё на кураже
Вскликивал, волнуясь, то и дело.
— Не дозваться нам её уже, —
В ухо вдруг, как выстрел, прогремело.

Если бы...

Ночь своё безмолвие пугая,
Вскрикнула в распахнутом окне.
– Что тебе приснилось, дорогая?
Почему ты плакала во сне?

Будто надломили, надкололи,
Что-то из самой души крадя:
– Мне приснилось явственно, до боли,
Наше нерождённое дитя.

Не хватило в одночасье вдоха,
Думала, сама сейчас умру,
Видя, как беспомощная кроха
Зябнет одиноко на ветру.

Бледный, точно смерть, блее мела,
Замер твоего лица овал:
– Помнишь, как его я не хотела?
Что же ты тогда не настоял?

Как же мне отвечать на это?
Собственной виновностью приму:
Не родится никогда ответа
В этом безответном «почему».

Вместе суждены нам, дорогая,
Мёд и горечь – жизни ассорти.
И того, что по дорогам рая
Нам с тобой вовеки не пройти.

Est quaedam flere voluptas¹

Когда падёт последняя слеза
На пустоту безмолвного порога,
Где пыль осевших лет, как прах сиза,
То памяти бессменная фреза
Проявит благосклонно ненадолго
Из вечной тьмы любимые глаза.

Тогда внезапно осознаешь вдруг,
Как дорога минутная отрада,
Прильнуть к которой было недосуг,
А вспоминать прилюдно имя вслух
Казалось, ни на чуточку не надо
За-ради никчемушных показух.

Выходит, одиночеством объят,
Не зря рыданий не сдержал ты ныне:
Тот, дорогой, пронзивший душу взгляд,
Уже мельканья дней не истребят.
Читаешь чью-то притчу на латыни
И, соглашаясь, сам той притче рад.

¹ В слезах есть что-то от наслаждения (лат.)

Ёж

Об этом известно точно,
Сомнений нисколько нет:
Пушистым, смешным комочком
Пришёл он на белый свет.

И в мелколесье здешнем
В наивности наготы
Мягким он был и нежным,
Словно порыв мечты.

Но жизни открыв страницу
Бедный малыш узнал,
Сколько вокруг таится
Горьких невзгод и зла!

И для лесных сограждан —
Добрых как он и злюк —
Колючки надел однажды,
Как ёжики все вокруг.

Жаркая ночь

От начала, так и присно,
Дикой кровью клокоча,
Эта ночь, как ты, – капризна
И всё так же горяча.

Горяча, но как же мало
отдал страсти зодиак —
Этой ночью до отвала
Не насытиться никак.

Ночь-отрада, ночка-дева,
Вновь свиданье назначай,
Чтобы в зиму без согрева
Не замёрзнуть невзначай.

Женский идеал

Дородных женщин испокон веков
Ценила Русь, благоговевя исто,
Не зря считая без обиняков
Красой – всё, что бугристо и мясисто.

И будь невеста с виду не худа —
Иные недостатки тотчас меркли,
Поскольку знал и стар и млад тогда:
Без зада баба, что село без церкви.

Зимой с «пампушкой» печка не нужна,
А в летний зной в тени её – прохлада.
Когда придавит полная жена,
Поймёшь, что никакой другой не надо.

Верна ли, нет ли рейтинга шкала —
Не возникало у людей вопросов.
А если вдруг кобылка не везла,
Привычно баба спрыгивала с воза.

Теперь худые одержали верх,
На женскую диету всюду мода.
И идеал изящности померк
В глазах у просвещённого народа.

Быть может, жизнь облегчилась?
Отнюдь!
Одна беда от этих геометрий:
Никто коня не в силах тормознуть,
В горящих избах ни черта не петрит.

Но не случайно в сердце вспыхнет жар
И разольётся сладостной мелодией,
Лишь вспомнятся мне Рубенс, Ренуар
И женской красоты знаток – Кустодиев.

Живая вода

Помню, как-то давным-давно,
Я в колодце увидел чудо:
Тихим светом лучилось дно,
Будто вовсе из ниоткуда.

Опустилось ведро туда,
Зачерпнулась вода студёна.
Глядь – а это и не вода,
Это святит ведро икона.

Повертел: выцвел красок сок
По червлёному силуэту.
Почерневшей доски кусок
Я понёс в комнатёнку деду.

Мне кричали: «Всё носишь хлам!
Бога нету!» – плюя с пригорка.
Со слезами напополам
Влил я воду тогда в ведёрко.

Отхлебнул той воды старик,
Тронул чуб мой рукой усталой:
«Ну чего же ты, парень, сник?
Нынче праздник у нас, пожалуй!»

Тем, кто спорил, раззявив рты,
Огрызнулся: «Ну, хватит, будя.
Постыдились бы срамоты —
Всех нас, время придёт, рассудят».

Будто жалуя похвалу
В небеса всё глядит колодец,
А в почётном своём углу
Величается чудотворец.

Необычного в этом нет
Тем, кто здравствует, суть не зная:
Дед отпраздновал сотню лет —
Говорит, что вода – живая.

Жизненные вершины

Ещё не ясен впереди успех,
Но день за днём карабкаясь наверх,
В него не верить не имеешь права.
За шагом – шаг, за месяцами – год,
Когда-нибудь, возможно, повезёт —
Услышать от победы возглас: «Браво!»

У края скал, над адом пропастей
Взирает небо на дела людей,
Нисколько их, несчастных, не жалея.
А людям -то, по сути, всё равно:
Что мёртвое обрушенное дно,
Что ласковая крыша мавзолея.

Но стоит пик завоевать один,
Как пики новых предстают вершин —
Им нет числа, как нет мечте предела.
Пусть чем бы горный гребень ни грозил,
Хватало бы на всё добра и сил,
А связка самых храбрых – не редела.

Жизненный путь

Всё за меня на небесах решили,
Насильно «набегу» всучив билет.
Ведь я не выбирал: родиться или
Не торопиться выходить на свет.

И началась безумная потеха,
Когда вдруг призадумался в пути:
Никто же не сказал, куда мне ехать,
А главное – когда успеть сойти.

Бывало и нелепо, и свирепо,
Но всякий раз спокойно от того,
Что на меня глядело сверху небо,
А я смотрел всё время на него.

Я понял всё снаружи и с изнанки,
Бесценной стала каждая верста.
Ведь станции, разъезды, полустанки
Задуманы в дороге неспроста.

Вы просите открытию огласки?
Боюсь, вас ожидает западня:
Никто ни разу мне не дал подсказки.
Не надо ждать подсказки от меня.

Жизнь

Жизнь никто не направит вспять,
Норовиста она, упряма.
Лишь успеешь её понять,
Затухает кардиограмма.

После нервной черты «итога»
Для себя мы ответы выжмем:
Самый главный вопрос – «для чего?»
Ну, а «как?» – совершенно лишний.

Умертвит ли тебя ответ
Или явит эффект плацебо:
Для чего столько зим и лет
Ты коптил безнадёжно небо?

Но как важно успеть понять,
Промелькнувшую жизнь итожа:
Бег её не направить вспять,
А вот смыслом наполнить – можно.

Жизнь и Смерть

Да что там жизнь! Она слаба.
Для старика и для младенца,
Для господина и раба
Свои ГУЛАГ в ней и Освенцим.

Она горька, она не мёд,
И миражей она навроде,
В которых каждый век живёт
С мечтой несбыточной о свободе.

Как вкус премалого глотка,
Не утоливший страстной жажды,
Жизнь так нелепо коротка,
Что разберёт её не каждый.

Совсем другое дело – смерть!
В ней предсказуемость извечна.
Никто не может не успеть
К ней, будь она хоть как далече.

Никто для смерти не указ,
И до незначимого пункта
Распишет путь она от Аз
До Ять любому посекундно.

Но кем-то так заведено,
Что даже, если еле тлеет,
Жизнь почему-то всё равно
Нам смерти кажется милее.

Жизнь сначала

И мне, неизвестному герою
Однажды трубы протрубят.
Проснусь, глаза на мир открою
И не признаю в нём себя.

Мне тот, другой, себя очистив,
Возложит мудрости печать:
«Не зная лжи, высоких истин
На белом свете не познать».

Из новоявленных реалий
Дойдёт до помыслов моих:
«Без дней убийственных печалей
Не ощутить блаженства миг».

Придёт прозрения минута,
Проложит в будущее след:
«Любовь – единственное чудо,
В котором двойственности нет».

Без суеты и вечной гонки
День встанет – тих и бирюзов.
Окликнет жизнь призывом звонким,
И я пойду на этот зов.

Журавлиное сердце

Осень душу бередит ночами,
Боль потерь затягивает лёд.
Нас до слёз волнует и печалит
Журавлей прощальный перелёт.

Плача, сами будто бы курлычем,
И сердца трещат по тонким швам,
Понимая, что живут по птичьим,
По никем не выданным правам.

В них самих поселены скитальцы,
Только как отчаянно не рвись,
Ни за что вовек не оторваться
От земли в отверзнутую высь.

Мы утихнем, смиренные снами,
Но к утру опять из облаков
Прокурлычат журавли над нами,
Оставляя свой бессмертный зов.

Заблуждение

Живя, любя, борясь, творя,
Всё пережив и отработав,
Зачем оправдываться зря
За грех ошибок и просчётов?

Свои мечты предав не раз,
В плену иллюзий и напраслин,
Глупим до ужаса подчас,
Как будто есть сто лет в запасе!

Но богом данный выйдет срок,
И напоследок взглядом зрелым
Не мир, а мизерный мирок
Сочтём оконченным пределом.

Не возведя заветный Рим
Вокруг отстроенного гетто,
Мы по привычке говорим:
«Судьба!» и сами верим в это.

Заброшенный клуб

Руины клуба заросли травой.
Пугливым зайцем усакала юность.
Упал в канаву осень, чуть живой,
Я на него присяду, пригорюнюсь.

Как быстро входит в сёла пустота!
Уходят люди. Вот и клубы тоже.
Уже, мне кажется, и лавочка не та —
Любимица тогдашней молодёжи.

Крутили тут кино по выходным,
Бильярдные шары ловили лузы.
Уютно было в клубе холостым, —
Нам, молодым, отчаянным, безусым.

Влюбиться так, чтоб сразу и всерьёз,
Пожалуй, каждый был из нас готовый.
Устраивали в парке мотокросс —
С ума сходил от гонок участковый.

Дрались из-за подруг и просто так,
До первой крови, без особой злобы,
А только лишь заметив этот знак —
Мирились тут же, улыбаясь оба.

Наверное, так было испокон,
И после драк – нелепых и спонтанных,
Мотоциклетный выполнял плафон
На бис всегда исправно роль стакана.

Вот горлышком торчит из-за куста
Бутыль из-под забытого «Агдама».
Но, как и клуб, она давно пуста,
Она лишь часть накопленного хлама.

Законы бытия

Ты говоришь: «Дожили до весны!» —
Как будто призывая к новой жизни.
Законы бытия – они точны,
Необъяснимы и бескомпромиссны!

Ты суетишься, строя громадьё
Безумных планов и крутых проектов.
Но каждое решение твоё
Сверяет с идеалом неким некто.

Ты можешь ни о чём таком не знать,
Не верить ни во что и быть упрямым.
И вёсны ждать и провожать опять,
Особой в том не замечая драмы.

В огромной безграничности миров,
Где строгий ритм, а не всеобщий хаос,
Ты думаешь, что сам нашёл свой кров,
Что всё само собой в нём создавалось.

Не поднимая взора к небесам,
Растрачивая силы на пределе,
Ты думаешь, что всё решаешь сам,
Да только так ли всё на самом деле?

Замки на песке

Детки под надзором чутких мамок
У воды прекрасным летним днём
Из песка сырого строят замок,
Тотчас поселяя сказку в нём.

И плывёт легко и белокрыло
Облаков прозрачных пелена
К берегам, где много лет, как смысла
Детские мечты мои волна.

За разнообразие

Я люблю снега по пояс,
А кому-то, соглашусь,
О здоровье беспокоясь,
По зиме полезней плюс.

Мне куда милее лыжи,
Мне приятнее мороз.
А другим всего превыше,
Чтобы носик не замёрз.

Пусть помягче будут зимы,
Но не сразу и не вдруг
Нам субтропиков режимы
В январе включает юг.

Ведь без снега и без стужи
Тоже, судя по всему,
Будет мне гораздо хуже,
И навряд ли – одному.

Заходи, посидим!

Далеко ль до погоста?
В зримой огляди – дым.
Завтра может быть поздно,
Заходи, посидим!

Этой встречи идею
Не оттягивай впредь.
Завтра я не успею
Ни налить, и ни спеть.

Заходи, друг сердечный,
Как заходят домой.
Потолкуем неспешно,
Перед будущей тьмой.

Может, каждой строкою
На заветной тропе
Завтра душу открою,
Я уже не тебе.

Зачем ей знать?

Довольный рот свой разевая,
Облюбовав стеклянный чан,
Не знает рыбка золотая,
Что есть на свете океан.

Да и на что бы ей морока
Судьбы иной себе желать?
Порок ли в том, что одинока?
Зато воды спокойна гладь.

Всегда тепло ей и уютно,
Всегда до горлышка сыта.
Не получить ей тут от судна
Удар могучего винта.

Пусть не дано поплавать в стайке,
Зато под искорки струи
Не налетят внезапно чайки
На блеск красивой чешуи.

Закат подарит лучик зыбкий,
И мысль проявится впотьмах:
— Зачем аквариумной рыбке
Знать о неведомых мирах?

Звёздная ночь

По чёрной пашне неба вышел кто-то
Открыть обильно посевной сезон.
Звенит в душе пронзительная нота
Настроившись на звёздный камертон.

Сияние такое, что задорно
Глаза блестят и ясно видно в них,
Как сыплются с небес на землю зёрна
В душистый чернозём полей земных.

Не время отдыхать теперь, Рассея,
Старательному небу подражай!
И думай, что
с тобою мы посеем,
В надежде на хороший урожай?

Звонкая любовь

Река морозно охает по-бабьи,
Дивясь тому, как лихо наверху,
Прижав к обрыву, юный клён облапил
За стан и плечи тонкую ольху.

Он – хулиган, а ей бы быть богиней,
Но как приятно замереть вдвоём!
Она дрожит, и, опадая, иней
Струится вниз отчаянным огнём.

Хлестнула ветка. С мыслью о пощаде
Шепчу я клёну: «Куртку зря не рви!
Я отвернусь: целуйтесь, бога ради!» —
Завидуя их искренней любви.

Земля моих предков

Край давно упокоенных предков —
Васильковая ровная гладь.
Как же мне непростительно редко
Удаётся сюда приезжать?!

От своих нескончаемых тягот
Припушу я опять наутёк.
Ведь не зря же и манит, и тянет
Этот край заскочить на денёк!

Из неведомых сроков — доселе,
Через толщу крестьянской земли,
Корни пращуров здесь застарели
И сквозь душу мою проросли.

Не сломили века, не порвали
Эту самую прочную связь.
Припаду к родниковой печали,
Неизбежной слезы не стыдясь.

И как будто не так уже тяжёк
Мне покажется век скоростей.
Драгоценный венок из ромашек
Привезу я дочурке своей.

Земля Санникова. Открытие

Подоблачную дымку шевеля,
Повеял из долины ветерок.
– Привет, благословенная земля,
Легендами увенчанная впрок!
Мы бесконечно долго шли сюда
За клиньями к теплу летящих птиц.
Прекрасна ты! Степенна и горда.
К черте твоей мы припадаем ниц.
В обитель прямодушную входя,
Мы подвижны порывом лишь одним:
Приветствуем великого вождя,
И: «Мир вам, онкилоны!» – говорим.
Нас доля наша через льды вела
К заветной тайне северных морей.
Мы, Амнундак, не причиним вам зла!
Ведь мы – друзья! Прими и обогрей!
...Незная, таинственная новь
Ещё переплетала политес,
Но взмыл огонь, и жертвенную кровь
Пролил олень посланникам небес.
Иную жизнь с оттенком волшебства
Вбирал, судьбы не зная наперёд,
На добрые отзывчивый слова,
В безвременье затерянный народ.

Земля Санникова. Танец любви

Колыхая речную гладь,
Барабан тараторит звонко.
– Научи меня танцевать,
Лучезарная онкилонка!

Не могу я бросать копье,
Не умею стрелять из лука,
Но короткое «да» твоё —
Мне в успехе любом порука.

Ты как лёгкая лань сильна
И не вынести мне соблазна:
Как прекрасна у вас весна,
Как в весне этой ты прекрасна!

Нас обоих навек губя,
Я утешусь, быть может, тем лишь,
Что любить научусь тебя,
Как любить только ты умеешь.

Земля Санникова. Выбор

Ты говоришь, что я такой один —
Красивее других, сильнее, ловче,
И мне бы после нынешних смотрин
С тобой вдвоём короче стали ночи.
Но только нам не сблизиться вовек, —
Так уверяю, всех надежд лишая:
Я для тебя – сторонний человек,
Совсем чужой, как ты сама – чужая.
За ледяной пустыней, вдалеке,
Есть дом, в котором жгут ночами свечи,
И обо мне, пропащем чудаке,
Молитвы богу шлют, желая встречи.
Спасибо за заботу обо мне,
За то, что жизни для меня не жалко.
Но лишь разлуку – ясную вполне —
Предсказывает нам судьба-гадалка.
Бегут минуты, выбор торопя.
Прости меня, как то, увы, ни странно:
Я не хочу обманывать тебя
И становиться пленником обмана.

Земля Санникова. Прощальное

Сопит морозом Север тяжко,
И, строя вёрсты по прямой,
Собачья шустрая упряжка
По нюху ищет путь домой.

Кем было создано либретто?
Слова, как будто бы, извне.
Взаправду ли случилось это,
А не привиделось во сне?

Но сны и те обледенелы,
И каждый явью искривлён:
Вожди, шаманы, копья, стрелы —
Мираж затерянных племён.

Мученье это или льгота,
Судьбы ли странная печать —
Однажды богом для кого-то
На миг единственный предстать?

Ворчит измученный возница,
Но пусть дорога далека:
Мы уезжаем возвратиться,
И не прощаемся пока.

Зенит

Земля засмотрится в зенит,
А там, без всяких карт и лоций,
Фрегатом в синь небес скользит
В лучах сияющее солнце.

Бессменно ярким маяком
Оно упрямо светит в космос,
Где звёзды замерли, тайком
Кометы дёргая за космы.

Нам тоже мнится благодать,
В которой мы, юны и здравы,
Желаем вечно пребывать
В зените лет, в зените славы.

Но до опасного мала
Его возвышенная точка.
Мы все сгорая в ней дотла,
Взлетая ввысь поодиночке.

Зимний романс

Ты думаешь, что никогда зима
Не кончится на нашем побережье,
И собирать алмазы задарма
Среди сугробов хочется всё реже.

Я тоже опрометчиво привык
К никчемной лжи остуженных пейзажей.
Прильнув к стеклу, смотрю на них впритык,
И дую на опавший пух лебяжий.

По кронам сосен звонкая, как плетъ,
Хлестнула, обрывая сучья, стужа.
Не знаю, как о прошлом не жалеть?
Как дальше жить, минувшее не руша?

Я о любви тебе ещё шепчу,
А на часах, как год, идёт минута.
Хочу задуть угрюмую свечу,
Но ты не разрешаешь почему-то.

Тебя пугает долгая зима,
Но я молю: не уходи, останься!
Ведь в эту ночь ты сочинишь сама
Мелодию для зимнего романса.

Зимняя рыбалка

Возле лунки рыбак держит ухо востро,
Небо нудной нахмурилось тучей.
В эту пору обычно попросит нутро
Русской водки, такой же тягучей.

Как назло, нынче клёва на озере нет.
Наконец-то послышался оклик —
Это машет знакомый по лунке сосед,
До печёнок промёрзший, как Бобик.

Пусть усталый карась опустился на дно,
Пусть застыла ленивая щука,
Помешать мужикам ничего не должно
Брызнуть в кружку огня косоруко.

Разольётся по телу мгновенно сугрев,
И душа вдруг пробудится снова.
Замурлычет о чём-то рыбак нараспев,
И до дома пойдёт без улова.

Игра

Игра почти всегда – обман,
В ней всё случайно, понарошку.
Кто от игры весёлой пьян,
Тому реал подставит ножку.

Уже давно заблудших – рать,
Игра лишь блеф, так это ясно!
Но разве можно не играть,
Не пить густой нектар соблазна?

И у забав чудных в плену,
Игристый вкус игры возжаждав,
Я сам кого-то обману,
Без злого умысла однажды.

И обманусь до боли злой,
И рассмеюсь, приняв потерю,
Когда сдирая грима слой
Я в самого себя поверю.

Иду за предзимьем покорно

С утра разомлев, наготове,
Под свежего ветра вытьё
О чистом небесном покрове
Мечтает за речкой жнивьё.

И пусть небеса ещё глу́хи,
Но время уже истекло:
Последние сонные мухи
Снежинками бьются в стекло.

Поспевшие гроздья рябины
Давно привечают не зря
На первой пороши смотрины
Горящую грудь снегиря.

Над спинкой промокшего дёрна —
Осенняя стылая ржа.
Иду за предзимьем покорно,
Опавшую грусть вороша.

Иначе нельзя

Век любой всегда суров и огнен,
Крут, напорист, твёрд, нетерпелив.
Ни единым мускулом не дрогнет
Через всё и вся переступив.

Век любой уверенней и жёстче
Поступает так лишь потому,
Что всегда единственного хочет —
Чтобы не плевали вслед ему.

Из мирка

Почти не живя и почти не любя,
Пространство утюжа нахрапом,
Когда-то мы все собираем себя
В мирок, упакованный скарбом.

И нет ничего нам дороже его,
В нём каждая мелочь желанна.
За мнимый уют не щадим никого,
Не ведая самообмана.

Потом постепенно умом становясь
Мудрее, а, может быть, старше,
Мы с миром великим выходим на связь,
Пытаясь сродниться с ним даже.

Тогда замечаем, что он многолик,
Что с давешним – не соразмерен.
Но есть на него всего-навсего миг,
И невосполнимы потери.

Приходит на ум, проявляясь извне,
Что стоит принять перемены:
От времени вещи теряют в цене,
Лишь чувства с годами – бесценны.

Из осени к весне

Туман и слякоть спозаранку —
К лицу ли это февралю?
Я эту зиму-оборванку
И отторгаю, и люблю.

Давно пора бы до отвала
Забить снегами закрома,
Но до сих пор не побывала
В гостях морозная зима.

Пылятся шубы в нафталине,
Томятся лыжи и коньки.
Хотя бы тронул ветки иней
Пустым прогнозам вопреки!

Зато приятственно пешочком
Войти с утра в туман густой
И пить, смакуя, по глоточку,
Природой созданный настой!

Хмелеть от спелости ядрёной,
Забравшись смело на сосну,
Где вместе с вымокшей вороной
Начать приветствовать весну.

Поддержат карканье синицы —
Такая выйдет кутерьма!
Ведь никому уже не снится
Зимой пропавшая зима.

Или

Мелькают очертания эпох,
Меняются течения и стили.
Хорош наш век среди минувших
Или
Хотя бы для сравнения – неплох?

Живу, как все, не портя строй вещей,
Как до меня другие тоже жили.
Мне стоило родиться позже
Или
Не стоило рождаться вообще.

Нельзя впустую жизнь прожить стремглав,
Не воплотив, чему тебя учили,
Других эпох не приближая,
Или
К своей нисколько толком не пристав.

Ещё не поздно всё по существу
Переменить в спокойствии идиллий.
Попробую немедля это,
Или
Действительно, напрасно я живу.

И никак иначе

— А всё могло бы быть у нас иначе! —
Сказала ты, и я оторопел,
Как будто впрямь с тобой нам предназначен
Был этот неестественный удел.

Я вскинул руки и в невольном жесте
Протестом в тот же миг отозвалось:
Как можно было засыпать не вместе
И не родными просыпаться врозь?

Увидела ты в том немом испуге
Невыносимой горести печать:
Как можно было вовсе друг о друге,
Всю жизнь беспечно ничего не знать?

Я вижу, как в окошко тянет ветки
Цветущий в благодарной неге сад.
Обняв тебя, уверен, что вовеки
Друг с другом нас уже не разлучат.

Гуляет счастье босиком по дому,
Пуская беззаботно пузыри...
О том, что всё могло быть по-другому,
Мне больше никогда не говори.

И один в поле воин

Не спится деду почему-то,
Глядит в безмолвное окно.
Душа его себе приюта
Устала ждать давным-давно.

На весь район – один он только,
Кого война не догнала.
Уже луны блеснула долька,
И запад выгорел дотла.

Уже и ночь из звёзд поротно
На небе выстроила рать.
В строю высоком том почётно
На землю глядя, постоять.

Стоять до зорьки в карауле,
Стеречь страну свою молчком.
И страха – нет. Не потому ли
Смерть не спешит за стариком?

И рядовые, и сержанты
Бодрят бойца с высоких звёзд:
«Нельзя солдату без команды
Покинуть свой последний пост!»

Старик на праздник при параде
Придёт, медалями звеня.
И скажет тихо, в небо глядя:
– Надейтесь, братцы, на меня!

Истина рядом

Ни к чему за бесчувственной шторой
Прятать чистый, спасительный свет,
И выдумывать жизнь, у которой
Ничего от реальности нет.

Вот и я, наконец, перестану
Осветлять непроглядную муть:
Как бы сильно не верить обману,
Вряд ли можно себя обмануть.

Не сыскать верных истин на ощупь,
Не открыть превосходных миров.
Всё гораздо яснее и проще:
Стоит чуть лишь отдёргнуть покров.

Июньская вербочка

Гуляет солнце над угодьями июня,
Любуясь зеленью садовых ассорти,
А верба косы распустила, как колдунья,
И от неё мне нынче глаз не отвести.

Не знаю, чем она меня заворожила,
Но так заманчива краса её с утра!
Как будто девичья неведомая сила
С листвы струит свою печаль на тень двора.

Шальному дождику я выскочу вдогонку
По нежно-мягкому, как в детстве, ковылю,
И, как подруге верной, радуги гребёнку
В густые локоны любовно заколю.

По небу брызнет вечер персиковым соком,
Покорно деревце к груди моей прильнёт.
Вот и не так уже вдвоём нам одиноко,
Вот и кручина стародавняя не в счёт.

Июль

Жара пришла категорично
Под сень сарайчиков и клунь.
Густым вареньем земляничным
В кладовку спрятался июнь.

Земля вокруг насквозь прогрета —
Упёрлось солнышко в зенит,
Вот-вот и всю макушку лета
Стрелой огненной пронзит.

Под небеса в густом извиве
Клубится пыль из-под колёс.
Природе снится буйный ливень
И нет желанней этих грёз.

Ироничное

Что за дерзостная смелость
Сладкий сон объяла мой?
Нестерпимо захотелось
Вдруг подняться над собой.

Словно суперастропрактик,
Без особенных волшебств,
Попытался меж галактик,
Отыскать живых существ.

Я гулял на перекрёстке
Бесконечных лунных трасс.
Гладил ночь по мягкой шёрстке,
В звёздных искорках светясь.

Проходил по ярким чиркам
Метеоров и комет,
Но с досады только фыркал —
Никого на небе нет.

Ни для смеха, ни для глума,
А решительно всерьёз:
«Как же это, — я подумал, —
Что разумных не нашлось?

Хоть какой бы органоид
Во Вселенной отыскать!
Человечество не стоит
Без присмотра оставлять».

Исповедь поэта

И сколько б я за почерком косым
Себя поэтом праведным не числил,
Настанет час, и лягут на весы
Моей судьбы деяния и мысли.
И суть мою – порок и благодать
Осыплю я, как иглы бор сосновый,
Умение любить, способность лгать
И наполнять надеждой светлой слово.
Перерезая брэнной жизни нить,
Роптать не смею, не молю, не хнычу.
И тот, кому дано меня судить,
Пусть принимает лёгкую добычу.
Приму упрёк за то, что за спиной
Так мало дел и так бессчётно лени!
За то, что не прочувствована мной
Закономерность действий и явлений.
Но так ещё тепло в моём саду!
Я многое смогу, осилю, сдюжу,
Пока на чашу каждый день кладу
Для светлых рифм распахнутую душу.

Истина в вине

Измяли вишню на вино,
И вот уже, вздыхая тяжело,
Бушует пенным соком бражка,
Бутыли подпирая дно.

Бурлит неистовый огонь,
Готовя странные контрасты:
В минуту сделать языкастым
Подчас тихоню из тихонь.

Добавить удаль смельчаку,
Придать унылому задора
И приоткрыть талант танцора,
Но... только будьте начеку!

Открою истину навряд —
Плоха разгульная манера:
Вину известная есть мера,
Нарушь её – получишь яд.

Давным-давно закон таков.
Мудрец Платон предрёк недаром:
Бальзамом быть вину нестарым
И молоком для стариков.

«Июнь»

Героям ВОВ посвящается

С бойцами ладя ловко,
со мной – накоротке,
Жил белобрысый Вовка
в военном городке.
Бывало, по тревоге
срывался батальон —
За нами, босоногий,
увязывался он.
Сержант посмотрит косо:
мол, я не виноват,
Но для такого кросса
ты мал ещё, солдат!
Обиженный до жути,
Тот весь настороже:
– В начале лета будет
мне восемь лет уже!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.